

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №4, Том 13 / 2022, No 4, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/45FLSK422.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Садалова, Т. М. О функциях темы богатырских «династий» в центрально-азиатском эпосе / Т. М. Садалова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/45FLSK422.pdf>

For citation:

Sadalova T.M. About the functions of the theme of heroic "dynasties" in the Central Asian epic. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022; 13(4): 45FLSK422. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/45FLSK422.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Садалова Тамара Михайловна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия
Национальный комитет по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай, Горно-Алтайск, Россия

Научный сотрудник

Доктор филологических наук

E-mail: sadalova-t@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>

О функциях темы богатырских «династий» в центрально-азиатском эпосе

Аннотация. Героические сказания народов Центральной Азии представляют собой своеобразное и многостадийное явление. Они представляют собой уникальную традицию «династийного» повествования и являются источниками для исследования сюжетосложения текстов подобного вида. Сюжеты многих классических эпических произведений центрально-азиатских народов выстраиваются согласно жизненному циклу, придавая их композиции «серийность» изложения, логически приближая их к реальным историям. Изложение богатырских деяний династии героев создают впечатление некой историчности их эпических жизнеописаний. Одним из образцов подобного вида художественной словесности являются алтайские эпические сказания. Сходство сюжетов центрально-азиатских и алтайских сказаний во многом объясняется общностью исторических процессов, пережитых народами, проживавшими в едином этнокультурном пространстве. Сравнительный анализ эпических сказаний демонстрирует многообразие контаминаций различных сюжетов, основанных на «династийных» историях богатырей. В алтайских сказаниях контаминация происходит за счет присоединения дополнительных мотивов к основному сюжету. Основным звеном, позволяющим соединить сюжеты, которые близки друг другу тематическим содержанием, является однотипный герой. Это придает органичную законченность единому тексту из контаминированных сюжетов по линии «династийных» историй (дед — отец — сын — внук). Тенденция усложнения сюжета за счет присоединения дополнительных эпических мотивов способствует эволюции сюжетов эпических сказаний. При этом логика развития сюжета не нарушается, в рамках сложившейся традиции сюжет удлиняется за счет новых подвигов наследников героя. Главным признаком характеристики эпического героя выступает проявление им своей богатырской силы. Расширение сюжетных действий и удлинение сюжетного хода за счет сцепления частей о последующем представителе «династии» входят в композиционную систему эпических произведений и также дополняются рядом поэтических средств и приемов, отмеченных исследователями как «топосы длительности», что придает

эпическому сказанию большую масштабность и опосредованную соотнесенность с исторической реальностью.

Ключевые слова: эпос; династия; исследования; богатыри; сюжет; сюжетосложение; контаминация сюжетов

Центрально-азиатский эпос по сей день остается для исследователей уникальным источником для выяснения аспектов сюжетосложения текстов героических сказаний [1–4]. В статье исследователя И.В. Пухова «Якутский героический эпос олонхо. Нюргун Боотур Стремительный» рассмотрен вопрос сюжетосложения олонхо в аспекте сцен описаний, присоединения других сюжетов и мотивов [5, с. 411–421]. Безусловно, масштабность эпическим сюжетам придают подробные описания приручения коня, троекратность испытаний героя, исполнение трудных задач и т. д. Но в эпических сказаниях разных народов Центральной Азии способы «сцепления» или контаминации развернутых сюжетов, связанных с «династийными» историями героев — богатырей, играют особую роль.

В связи с этим мы попытаемся выяснить этот вопрос на примере отдельных алтайских эпических текстов. Нужно сказать о том, что сюжеты алтайских сказаний во многом сходны с центрально-азиатскими сюжетами, что во многом объясняется общими историко-этническими процессами, происходивших на обширной территории с древнейших времен, что и отразилось в языке, истории и фольклоре многих народов. О необходимости сопоставительных исследований по отношению к эпическим произведениям народов Сибири и Центральной Азии в свое время особо обращал внимание С.С. Суразаков [6, с. 10–26].

По поводу усложненных контаминированных сюжетов русских былин исследователь Ю.А. Новиков отмечал, что «Вероятно, такой вид они приобрели в результате длительного исторического развития, причем в последние полтора — два столетия доминирующей была тенденция к усложнению структур. Об этом свидетельствуют относительная стабильность и обязательность ключевых эпизодов, составляющих ядро того или иного сюжета..., факультативность и взаимозаменяемость усложняющих мотивов и эпизодов, сравнительная узкая их локализация...» [7, с. 51–52].

Важным представляется то, что сюжеты многих классических эпических произведений центрально-азиатских народов выстраиваются согласно жизненному циклу, придавая их композиции «серийность» изложения, логически приближая их к реальным историям. Так, в кыргызском эпосе «Манас» сюжет развивается по данному принципу или, как отмечает В.М. Жирмунский, по «генеалогической циклизации» [8, с. 27].

Если сказание предвещает повествование об отце Манаса — Джакыпе, и в основном сюжете речь идет о рождении, подвигах, женитьбе и других деяниях самого Манаса, то дальнейшая речь идет о его сыне Семетее и внуке Сейтеке. При этом логика развития сюжета не нарушается, в рамках сложившейся традиции сюжет удлиняется за счет новых подвигов наследников героя.

Подобный механизм усложнения сюжета новыми генеалогическими линиями наблюдается и в варианте «Манаса» в исполнении Саякбая Каралаева, когда героями становится уже правнук Манаса, сын Сейтека — Кенен, а затем и сыновья Кенена — Алымсарык и Кулансарык. В сюжетосложении данного варианта играют роль не только большой импровизаторский дар манасчи, но и потребность аудитории слушателей, которые не только сопереживают своим любимым героям, но и жаждут услышать о продолжении их подвигов.

Таким образом, В.М. Жирмунский вполне правомерно отмечает, что «основная композиционная особенность киргизской эпопеи, по сравнению с национальными эпическими циклами большинства других народов, заключается в последовательном проведении принципа генеалогической циклизации эпических сказаний вокруг центральной фигуры эпического монарха, являющегося в то же время первым богатырем своего народа, воплощением его героического самосознания» [8, с. 33]. Именно такой ход развития событий создает эпическую «реальность» или, как отмечал В.М. Гацак, «историзованность памяти» по поводу соотнесенности «хроноактов» с реальными отрезками времени [9, с. 18–19].

Подобный ход событий отмечается и в калмыцком эпосе «Джангар», когда, кроме батальных сцен и воинских походов главного героя и его сподвижников, прослеживается линия женитьбы отца и рождения сына.¹

В бурятском эпосе «Гэсэр» при всей его архаичности и в тоже время влиянии буддийских мотивов в разных версиях представлена развернутая картина чудесного рождения у престарелых родителей небесных и земных братьев, сестры, дядей, сыновей, племянников. При этом, как и в случае многоплановости сюжета «Манаса», «известную роль в вариативности сыграли не только родоплеменные различия, но и сама личность сказителей, их творческая манера, которая сказалась и в стиле, и в последовательности изложения эпизодов. Но индивидуальные новшества сказителя носят ограниченный характер, эпическое произведение в той или иной степени зависит от ожиданий аудитории, общество оказывает влияние на рапсода».²

Несмотря на небольшой объем большинства алтайских эпических сказаний, в них также прослеживается богатырская линия отца — сына — внука, хотя и в ограниченных сюжетных действиях. Например, в эпосе «Алтай Буучай» отец с сыном как союзники выступают против предавших их матери и сестры, затем идет сюжет о сватовстве и женитьбе сына.³

Упоминания об отце встречаются и в других текстах алтайских сказаний, но они не развернуты. Зачастую из-за архаичности древних сюжетов в них родителями героев выступают мифологические персонажи: «распространены мотивы возникновения героя вместе с Землей и Небом, Солнцем и Луной, вместе с горами и реками или мотивы небесного происхождения героя» [10, с. 24]. Поэтому многие гонимые или сироты позже оказываются рожденными мифическими персонажами, поэтому их предыстория оказывается неясной до определенного времени, пока не выясняются их божественное происхождение и миссия устранения подземных врагов.

В большинстве произведений богатыри изначально находятся под покровительством божеств верхнего мира или сотворены ими. Например, в сказании «Аин Шаин Шикширге» контакт богатыря с верхним миром происходит напрямую. Отношение с божествами почти панибратское. Герой, получив свое богатырское имя, осознает, что он не имеет ни достойного коня, ни богатырского одеяния. «Аин-Шаи Шикширге переднюю полу на выворот заткнул за пояс, заднюю полу заткнул за пояс, взошел на гору Сумер-Улан, зычным голосом закричал, омо-томо засвистел: «Наверху пребывающий Уч Курбустан, бог мой! Без одеяния нагого

¹ Джангар. Калмыцкий героический эпос. — М., Главная редакция восточной литературы, 1990. — 479 с.

² Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции: сб. научн. ст. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. — С. 17–18.

³ Алтай баатырлар. Т. 2. Сост. С.С. Суразаков. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1959. — 340 с. (на алт. яз.).

пустил меня!». ⁴ То есть, отношение героя к верхним божествам, как своим родителям, у которых можно требовать что-либо на правах их сына.

Есть и другие примеры, когда история отца и сына не укладывается в «династийную» историю. В тексте богатырской сказки с названием «Кан-Бурхан» в исполнении сказителя Н.У. Улагашева рассказывается о необычном мальчике с внешностью получеловека и полужверя, который был третьим сыном Ак-Каана. В рождении этого ребенка отец увидел дурное предзнаменование и захотел от него избавиться, поэтому отправил его со старшими братьями, которым наказал убить брата, подальше от стойбища. Но старшие братья пожалели своего необычного брата, поэтому не стали его убивать, только бросили в реку, а сами откочевали. Брошенный в реку по течению он попал в земли старика Кюскю-Бырхана, который был ограблен и вместе с женой ослеплен подземным богатырем Кара-Маатыром. Герой защитил стариков и их дочь Кюмюш-Тана, перевоплощенную в птицу, от следующего нападения Кара-Маатыра. Гонясь за подземным богатырем, он освободил людей Кюскю-Бырхана, возвратил зрение старикам. Они выдали за него свою дочь Кюмюш-Тана. В этот момент он превратился в прекрасного юношу и получив свое богатырское имя — Кан-Бырхан.

Во второй части сказки повествуется о вторжении брата Кара-Маатыра по имени Кара-Бёкё, который по закону чести должен был отомстить за брата, то есть здесь мотив родства тоже обозначен. Кан-Бырхан, сражаясь с новым врагом, попадает в подземный мир и находит общий язык с Сары-Конур-Каат — представительницей подземного мира, по подсказке своего коня. Она помогает ему одолеть Кара-Бёкё.

В содержании данного текста, на наш взгляд, рудиментарным мотивом является то, что герой рожден под покровительством подземного владыки — Эрлик-Бия, что объясняет его необычную внешность. Во-вторых, во время его похода в подземный мир выяснилось, что его нареченной должна стать Сары-Конур-Каат. Тогда герой вступает с ней во второй брак, благодаря чему получает помощь для победы над опасным врагом [11, с. 147].

Таким образом, узнав как бы предысторию биографии героя, мы понимаем, что в данном тексте выведен образ посредника между разными антагонистическими мирами: средним и нижним. Следует признать, что этот вариант относится к числу единичных сюжетов с подобным содержанием, так как большинство сказочных и эпических героев имеют небесное происхождение и женятся на дочерях небесных каанов или представительницах среднего мира. Рожденный человеком, хотя и с необычной внешностью, герой обретает право быть представителем среднего мира. В нормальное физическое тело он перевоплощается после победы над врагом из подземного мира. Скорее всего, он был рожден, чтобы стать победителем именно этого врага, так как герой каждого сказания имеет предназначенного ему врага.

В данном случае победа над противником свидетельствовала не только о его переходе в статус героя, но и обретение им нормального достойного облика и настоящего имени. Следует сказать, что герой такой богатырской сказки представляет собой образ, который как бы балансирует между противоположными мирами и стремится восстановить нарушенный микрокосмос среднего мира. В первоначальной уродливости героя «изображены древние воззрения о тесной связи человеческого и животного мира», но в этом есть и признаки будущего богатыря [10, с. 65].

⁴ Аносский сборник. Зап. от сказителя Чолтыша Куранакова Н.Я. Никифорова. Пер. Н.Я. Никифорова, Г.Н. Потанина. Предисловие к примеч. Г.Н. Потанина. — Омск: Типография штаба Омского военного округа, 1915. — С. 44.

Такому развитию сюжета С.С. Суразаков находит и более реалистическое объяснение, исходя из того, что «в патриархальном обществе глава семьи — отец — имел безграничные права, а после его смерти власть и имущество по наследству переходили к старшему сыну, и он становился вместо отца над младшими, которые, не имея собственного имущества и самостоятельных прав, беспрекословно ему подчинялись или уходили от него» [10, с. 64].

Теория алтайского эпосоведа С.С. Суразакова об исторической этапности в развитии эпоса широко известна, когда каждая формация формирует своего нового героя, наполняя эпос новым содержанием. Таким образом, нарушение «династийной» истории в сюжетах, которые исследователем отнесены к родовому строю, возможно, с другой стороны, свидетельствует еще и об этапе в развитии сюжета эпоса, когда еще не выстроилась линия богатырской «династии».

Таким образом, цикличность сюжетообразования, преемственность подвигов отца и сына, затем и внуков, демонстрируют следующий этап развития эпоса, когда установилась система не только родовых отношений, но и передачи власти по наследству. Вслед за С.С. Суразаковым к этому этапу мы относим знаменитое алтайское сказание «Маадай-Кара». В нем тема отца присутствует в зачине и финальных сценах, хотя все произведение посвящено его сыну Когудею от его рождения до взросления, его подвигов, женитьбы и вознесения на небо.⁵

Однако отдельным текстом в прозаической форме зафиксирован самостоятельный сюжет о самом богатыре Маадай-Кара, рожденном от богатыря Олонбира. Рожденный жениться на дочери небожителя Ак-Бурхан, герой по просьбе будущего тестя спускается в подземный мир, чтобы спасти своего будущего шурина Кан-Бурхана⁶.

Судя по конспективному изложению на русском языке, этот эпос был достаточно масштабным, так как борьба миров в других текстах обычно излагается как широкая эпопея подвигов героя, но самое главное, что в этом тексте «династия» углубляется историей деда героя, что само по себе диктует развитие самостоятельного сюжета о Маадай-Кара. Поэтому логичным является начало сказания «Маадай-Кара» сказителя А.Г. Калкина, когда его текст начинается с того, что покоривший в свое время семьдесят ханов Маадай-Кара состарился, поэтому враг решился напасть на него и пленить его самого с домочадцами, разорить его ханство.⁷ То есть текст А.Г. Калкина дает повод говорить о том, что это продолжение истории Маадай-Кара, который когда-то был всемогущим ханом Алтая, ему покорялись все ханства, поэтому дальше повествуется уже история его сына. Поэтому эпос «Маадай-Кара» — это своего рода история Когудея, сына Маадай-Кара и свидетельство «забытой» эпической истории самого Маадай-Кара.

Развернутая картина богатырской «династии», характерная для второго исторического этапа развития эпоса, представлена в алтайском сказании «Янгар» в исполнении сказителя Н.К. Ялатова. С.С. Суразаков отмечал, что сказание «Янгар», без сомнения, имеет много общего с эпосом «Джангар», но при этом он сообщал, что по свидетельству самих сказителей, у алтайского народа имеется собственное сказание о богатыре Янгаре, в него входили семьдесят семь сказаний. Он считает, что вначале это было большим сказанием, к нему присоединялись и другие сказания, их называли сыновьями и племянниками Янгар-батыра. Но когда ушли из жизни именитые сказители прошлого, умеющие сказывать огромные по объему

⁵ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. Зап. и подготовка текста, пер., примеч. и прил. С.С. Суразакова. Вступительная статья И.В. Пухова. Отв. ред. Н.А. Баскаков. — М.: Наука, 1973. — 444 с.

⁶ Ялатов Н.К. Янар. Сост. И.Б. Шинжин. — Горно-Алтайск, 1997. Том 1. — С. 100–117. 317 с. (на алт. яз.).

⁷ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. Зап. и подготовка текста, пер., примеч. и прил. С.С. Суразакова. Вступительная статья И.В. Пухова. Отв. ред. Н.А. Баскаков. — М.: Наука, 1973. — 444 с.

тексты, то последующие поколения исполнителей начали исполнять отдельные главы эпоса как самостоятельные сказания⁸.

В зачине сказания идет повествование о двух богатырях — о брате и сестре — Янгар и Янгарчы, с богатырскими линиями брата и сестры пересекаются линии жизни их других родственников и сподвижников, что расширяют ход развития сюжета данного эпического сказания. Сам по себе сюжет о брате с сестрой является достаточно распространенным не только в репертуаре алтайских героических сказаний, но и сказок.

В большинстве сюжетов многих сказаний и сказок сюжет ограничивается смертью брата и историей его оживления при помощи небесных дев, за которыми едет сестра в облике брата, продолжением которого является присоединение сюжета об исчезновении сестры, ее поисков, создание сестрой семьи, объединение брата и сестры вместе со своими семьями⁹ [12].

Схожий сюжет есть в бурятских сказаниях: «Айдурай Мерген», «Аламжи Мерген молодой и его сестрица Агуй Гохон», в которых сестра в облике брата едет сватать за него невесту, отважно проходит все испытания и увозит с собой невесту, тем самым помогает оживить брата.¹⁰

В эпосе «Янар» сюжет о брате и сестре, когда сестра в облике брата, совершая подвиги для его спасения, только предваряет эпическое сказание, такой сюжет больше характерен для архаического этапа эпоса. Последующая сюжетная часть соответствуют содержанию других эпических сказаний. Так, к описаниям подвигов брата и сестры присоединяются деяния их детей, зятьев, невест и т. д.

В данном сказании контаминация сюжетов достаточно органичная, сюжеты соединяются за счет связующего звена, в роли которого могут выступать тот или иной мотив, действие. В них обнаруживается несколько мотивов или действий, которые являются связками для присоединения одного сюжета к другому. Так, например, в сюжете о брате с сестрой сюжет не заканчивается смертью героя, эта ситуация позволяет присоединение следующего сюжета. Главной целью в данных сюжетных эпизодах является то, что сестра добивается оживления брата при помощи небесных дев, владеющих магическим даром. В процессе усложнения сюжета мы наблюдаем появление новых тем — удачного брака и восстановления контактов с родичем [11, с. 80–94].

Если начальный сюжет о брате с сестрой характерен архаическому типу эпоса, то в дальнейшем сюжет разрастается за счет отдельных и совместных подвигов брата и сестры. К тому же в этом эпосе выстраивается целая сеть родственных отношений и их «династийная» история. Рожденный сын Янгара — Бессмертный Дьайар совершает богатырские деяния рядом с отцом, сын сестры Янгарчы также быстро взрослеет и становится богатырем. То есть, в алтайском эпическом тексте воспроизводится масштабная история династии богатырей, подобно другим монументальным эпическим текстам центрально-азиатских народов.

Таким образом, сравнительный анализ рассмотренных сюжетов демонстрирует особое многообразие контаминаций различных сюжетов, основанных на “династийных” богатырских

⁸ Ялатов Н.К. Янар. Сост. И.Б. Шинжин. — Горно-Алтайск, 1997. Том 1. — С. 100–117. 317 с. (на алт. яз.).

⁹ Алтай баатырлар. Т. 3. Сост. С.С. Суразаков. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1960. С. 324–344. (на алт. яз.); Алтай баатырлар. Т. 7. Сост. С.С. Суразаков. — Горно-Алтайск: 1972. — С. 169–186. (на алт. яз.).

¹⁰ Айдурай Мэргэн: Бурят. улигер. Записан Ц. Жамцарано от сказителя Б. Булдаева. Подгот. текста, пер., предисл. и примеч. М.П. Хомонова. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1979. — 128 с.; Аламжи Мерген молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос. — Новосибирск, «Наука», 1991. — 312 с.

историях. Вместе с тем характер контаминаций в сказаниях не всегда является неоднородным. К примеру, в алтайских сказаниях контаминация происходит за счет присоединения дополнительных сюжетов к основному сюжету. Основным звеном, позволяющим соединить сюжеты, которые близки друг другу тематическим содержанием, является однотипный герой. Это придает органичную законченность единому тексту из контаминированных сюжетов по линии «династийных» историй деда — отца — сына — внука.

Главным признаком характеристики эпического героя выступает проявление им своей богатырской силы. Расширение сюжетных действий и удлинение сюжетного хода за счет сцепления частей о последующем представителе «династии» входят в композиционную систему эпических произведений и также дополняются рядом поэтических средств и приемов, отмеченные В.М. Гацаком как «топосы длительности» [9], что придает эпосу больше масштабности и соотнесенности с исторической реальностью.

Героические сказания центрально-азиатских народов представляют собой своеобразное и многостадийное явление. Так, на примерах сюжетных контаминаций сказаний наиболее четко прослеживается тенденция усложнения структуры сюжета за счет присоединения дополнительных сюжетов, что зачастую диктуется уже и эволюцией эпического текста. Но в то же время именно «династийная» история богатырей позволяет продолжить логическое развитие сюжетов, вследствие органичного присоединения новых сюжетных линий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. — М.: Индрик, 2019. — 592 с.
2. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. — М.: Вост. лит. 2004. — 462 с.
3. Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (Опыт историко-этнографического анализа). М.: ИВЛ, 1960. — 147 с.
4. Кичиков А.Ш. Исследование героического эпоса «Джангар». Вопросы исторической поэтики. — Элиста: Калм. кн. изд.-во, 1976. — 156 с.
5. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Нюргун Боотур Стремительный. — Якутск, 1975. — 430 с.
6. Суразаков С.С. Из глубины веков. Статьи о героическом эпосе алтайцев / Сост. З.С. Казагачева. — Горно-Алтайск, Алтайское книжное отделение, 1982. — 144 с.
7. Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 374 с.
8. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. — 725 с.
9. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. — М.: Наука, 1989. — 256 с.
10. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. Под ред. В.М. Гацака. — М.: Наука, 1985. — 256 с.
11. Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайский госуниверситет, 2008. — 306 с.
12. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. — СПб.: Типография Академии наук, 1866. — 419 с.

Sadalova Tamara Mihaylovna

Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia
National Committee for UNESCO in the Altai Republic, Gorno-Altaysk, Russia
E-mail: sadalova-t@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>

About the functions of the theme of heroic "dynasties" in the Central Asian epic

Abstract. The heroic tales of the peoples of Central Asia are a peculiar and multi-stage phenomenon. They represent a unique tradition of "dynastic" narration and are sources for the study of the plot structure of texts of this kind. The plots of many classic epic works of Central Asian peoples are arranged according to the life cycle, giving their compositions a "serial" presentation, logically bringing them closer to real stories. The exposition of the heroic deeds of the dynasty of heroes creates the impression of a certain historicity of their epic biographies. One of the examples of this kind of artistic literature is the Altai epic tales. The similarity of the plots of Central Asian and Altai legends is largely explained by the commonality of historical processes experienced by peoples who lived in a single ethno-cultural space. A comparative analysis of epic tales demonstrates the variety of contamination of various plots based on the "dynastic" stories of heroes. In the Altai legends, contamination occurs due to the addition of additional motifs to the main plot. The main link that allows you to connect plots that are close to each other in thematic content is the same type of hero. This gives an organic completeness to a single text of contaminated plots along the line of "dynastic" stories (grandfather — father — son — grandson). The tendency to complicate the plot by adding additional epic motifs contributes to the evolution of the plots of epic tales. At the same time, the logic of the plot development is not violated, within the framework of the established tradition, the plot is lengthened due to the new exploits of the hero's heirs. The main feature of the characteristics of the epic hero is the manifestation of his heroic strength. The expansion of plot actions and the lengthening of the plot course due to the coupling of parts about the subsequent representative of the "dynasty" are included in the compositional system of epic works and are also complemented by a number of poetic means and techniques, noted by researchers as "topos of duration", which gives the epic tale a large scale and indirect correlation with historical reality.

Keywords: epic; dynasty; research; heroes; plot; plot composition; contamination of plots